

# Живое

**Автор:**

Элла Чак

Живое

Элла Чак

Дочь известного IT-инженера и трое ее друзей пропадают без вести. Спустя полгода после исчезновения в парке аттракционов найдены мертвыми все четверо со следами каннибализма и надписью, сделанной последним – "мы живые". Майор Ласло Струпица и его помощница Ангелина берутся за расследование, но идут они не по хлебным крошкам, а по новым трупам, подозревая в совершенных убийствах приёмную дочь одного из основателей крупной IT-компании, вот только девушка... не вполне живая.

Элла Чак

Живое

\*

– Эй, – стучал посыльный в стекло кассирши, – есть кто? – звал паренек, еле удерживая высоченную кипу конвертов.

Каждый день после шести вечера он заполнял фотографиями будку в форме клоунской головы. Называлась она «Счастливый рот». Посетители вводили цифровой номер с входных билетов, сканер его считывал, и пластиковый беззубый клоун выплевывал желтый конвертик. Снимки делались автоматически

внутри самых знаковых аттракционов Ретро Вилля.

– Иду! – отозвалась из кладовой кассирша.

Послышался звон жетонов, надорвалась фольга. Продолжая кряхтеть, женщина вернулась на рабочее место с новым рулоном бумаги для чеков.

– Чего тебе, Мишка? Не заправил еще?

– Рот забился. Не лезут! – объяснил парень.

– Чей рот?

– Клоуна, – обернулся он на аппарат. – Я три раза пробовал активировать его пинком по носу! Чо-та заклинило!

– Пинком, – скривилась кассирша, – нынешним только дай роботов поколотить.

– Это снимает стресс, – поучительно изрек Миша, наслушавшись дневных ток-шоу для домохозяек. – По закону о Робоправах андроидов пинать не запрещено, – покосился он на потрепанную голову в зеленом парике.

Краска на клоуне много, где облупилась. И пахло от него старостью, плесенью и как-будто мочой. Больше всего Мише нравилось наблюдать за посетителями, отвешивающими клоуну пинки по носу, чтобы получить фотографии.

– Когда людям надоест посмеяться над болью, – скривила красный овал помады кассирша на манер клоунской плачущей гримасы. – Быстрее чини! По закону о человеческом труде, я не обязана заменять роботов и андроидов!

Медный ключ брякнулся в тарелочку, прибитую гвоздиком к деревянной столешнице. Рядом ручка на веревке и сундучок для чаевых. Ретро Виль был последним в стране, где посетители могли ощутить атмосферу двадцатого века.

Сотрудники парка – только живые люди. Входные билеты невозможно оплатить подкожным банковским чипом. Принимались купюры и монеты, за которыми большинство посетителей заезжали в банк перед визитом в парк.

Анна Борисовна много, где работала кассиром. Нынче совершить покупку можно с помощью часов, кольца, браслета, отпечатком пальца (самый популярный способ) и даже лбом, куда приколисты вшивали денежные чипы. Выражение «Чалом бьет» приобрело наглядное выражение. Покупатель и просил, и расплачивался, и благодарил одним движением.

В мире, где люди больше не работали на должностях в сфере обслуживания, вид продавца надувных шариков или официанта приводили детей в полный восторг, а их бабушки и дедушки впадали в ностальгию с бесконечными «а помнишь!» и «а вот в наше время!»

В парке Ретро Виль, детвора носилась вокруг живой девушки в огромных розовых юбках. Сотрудница еле удерживала равновесие на роликах, когда малышня дергала ее за подол и волосы. Несколько раз за смену с нее срывали голубой парик или она падала на колени, раздирая кожу. Дети гоготали и убегали прочь от страшной неуклюжей тети, которую так весело пинать! Половина малышни не понимала, что тетя живой человек, а не робот.

Голосовое информирование парка каждый час напоминало посетителям о том, что сотрудники сферы обслуживания – не роботы и пинать их запрещено.

Миша воткнул ключ в голову клоуна с обратной стороны. Железка заскрежетала, словно клоун раскусил арматуру. Миша поморщился. Он не любил андроидов и вел блог с курьезными видео, на которых робо-официант разбивает фужеры или робу-курьер пиццу уронил и ездит по ней колесами, пока пацаны дергают коробку за веревку.

Миша рос ребенком, который с трех лет водил пальцами по домашним стеклам, пытаясь приблизить уличное изображение, как-будто он смотрит в цифровой мир планшетки. Шлем виртуальной реальности он надел на десять лет раньше, чем вело-шлем, когда согласился погонять с пацанами по треку. Да и то, покатался разок и бросил. На улице слишком жарко. Узкие шорты натёрли промежность, педали нужно вращать. Совсем другое дело гонять по виртуальной вселенной!

Частенько Миша с друзьями устраивали пранк уличным андроидам. Надевали регулировщику дорожного движения мешок на голову, рассыпали пять килограмм крупы перед дворником, на которого слетались голуби или разливали газировку на кассиров в фастфуде, снимая на видео, как уборщики начинали очищать своих коллег половыми тряпками.

Закон о Робоправах до сих пор никак не регулировал подобное поведение. Если Мишу и его друзей вычисляли, им выписывали штраф за мелкое хулиганство с мусором. Андроиды потерпевшей стороной не являлись. Кажется, закон их самих приравнивал к мусору.

С тех пор, как двадцать лет назад андроиды стали неотъемлемой частью человечества, закон о Робоправах постоянно дописывался, усложнялся, откатывался. Некоторые пункты выглядели абсурдно. Например, запрещалось применять к андроидам суровую форму насилия: сбрасывать с небоскреба, топить в реке, сжигать на костре, и в то же время закон не запрещал пинать их, швыряться чем-нибудь, толкать или вымещать словесно свое негодование, что, собственно, и делал Миша.

Миша жалел, что двадцать лет назад никто из его родни не купил анроида, пока на них шли акционные скидки. Мать приводила единственный довод – «мы купим, а партию отзовут?»

Такое случилось однажды, и денег Робонова покупателям не вернула.

Это было давно, лет двадцать назад. Тогда уволили какого-то влиятельного изобретателя из Робоновы и появился первый проект закона о Робоправах.

Корпорация Робонова – монополист в производстве андроидов, не объяснила свое решение по отзыву. Двадцать лет назад они чуть не обанкротились и сильно видоизменили продукцию, заменив ноги, похожие на человеческие – колесами. Андроидов больше не делали похожими на людей. Под запрет попали парики, брови, синтетическая кожа, человеческий тембр голоса. Бесполое машины, обслуживающие людей. Каста помощников, слуг, ассистентов, знающих свое место – вот и все их предназначение.

Когда Миша распахнул голову клоуна, где хранились фотографии, ему под ноги выпала целая сотня желтых конвертов.

– Как тебя ими не вырвало? – усмехнулся Миша, понимая, что рот клоуна забит до отказа.

Он пнул ногой кучу, заметив, что в центре каждого конверта значится один и тот же номер.

– Чо за глюк?

Судя по номеру, эти фотографии принадлежали владельцу одного и того же билета. Посетитель словно катался в парке на аттракционах каждый день, но фотографии свои не забирал.

Миша вскрыл первый попавшийся конверт, и сразу его выронил.

На снимке, что он только что держал, были тела двух девушек и молодого парня. Серые, истощенные, гниющие. Миша сразу узнал пропавших без вести три месяца назад подростков. Это были они! Пропавшие молодые люди. Они пришли на аттракционы в Ретро Виль после чего исчезли!

Оказывается, все это время они находились в парке! Внутри аттракциона Микромир. Плавали на лодке по подземелью. Снова, и снова, и снова проплывая под камерой фотоаппарата. Сто дней подряд! Каждый новый день – новая фотография, запечатлевающая хронику их смерти.

Будучи в первую очередь блогером, Миша пересилил себя и сделал снимок телефоном тут же отправляя в свой блог. На снимке молодой парень не старше его. Мертвое истощенно тело сидело в лодке, а на груди читалось вырезанные слова «мы живые».

Полицейский андроид записал показания Михаила и ответил роботизированным голосом: ждите, с вами свяжутся.

Поставив отпечаток пальца на планшете, Миша вернулся домой.

В три сорок пять, когда он стоял на балкончике между зеленых горшков с лохматым укропом, в дверь позвонили.

– Полиция, – произнес человеческий голос, – по поводу происшествия в Ретро Вилле.

Миша открыл. Он увидел что-то яркое. Сразу очень много цветов. Кудрявый клоунский парик зеленого цвета. Красный поролоновый нос и разукрашенное белым лицо. Две теплых руки обняли парня под скулами и дернули вниз. Рот Миши за секунду открылся на тридцать сантиметров в диаметре.

Охапку желтых конвертов залило кровью, когда сильная рука запихивала их в горло стонущего парня. С оторванной челюстью Миша пробовал дышать, пока острая бумага не перекрыла ему кислород. Разорвав гортань, клоунская рука вышла насквозь, отбрасывая в сторону кадык. Человек в парике клоуна собирался запихнуть в «счастливый рот» Миши сотню конвертов с фотографиями, повторяя ежедневный ритуал сотрудника Ретро Вилы.

\*

Майор Ласло Струпица, назначенный вести расследование по факту смертей четырех подростков в Ретро Виле, прохаживался в сопровождении стажерки между каталок. Несмотря на трупный запах он жевал круассан и запивал горячим кофе.

Ангелина, его стажерка, делала вид, что все в порядке, пока Ласло не коснулся булкой обглоданных бедренных костей трупа номер четыре, откусывая от рогалика, как ни в чем ни бывало.

– Ласло, – забрала Геля стаканчик кофе и остаток круассана, – это важно! – шепнула она. – У нас четыре тела!

– Да, да, – отряхнул он руки и натянул перчатки.

Каталог было четыре. И трупов тоже. Три вполне целые, а четвертый доставили по частям. Отдельно две ноги и туловище с руками и головой. На этом теле

насчитывалось наибольшее число ранений каннибалического свойства.

– Вот, полюбуйте, – откинул простынь патологоанатом по фамилии Вилкин, – на костях четвертой жертвы следы зубов. Ее, так сказать, покусали... больше всех.

Врач вывел на проектор приближенное фото костей трупа номер четыре, двадцати однолетней Мирославы Кар.

– Две ее ноги обглоданы. – сменился кадр, – видите? Это фрагмент левого резца Ефима Громова. Парень сломал зуб, чиркая по кости. Так же я нашел обломок переднего зуба Алисы Ивановой.

Ангелина делала записи в планшете, уточняя:

– Сколько весило тело Мирославы Кар?

– Шестьдесят килограмм, – ответил Вилкин.

– И как долго... То есть, сколько они...

Ласло закатил глаза:

– Сколько трое оставшихся питались ею пока сами не померли?

– Минус шестнадцать процентов на органы и кости? Считай, Фрейд, – гаркнул Вилкин на андроида в углу, который дезинфицировал подсветкой глаза ручки холодильных камер.

– Пятьдесят килограмм и четыреста грамм, – дал ответ механический голос.

Глаза Фрейда были круглыми и светились синим. Шея из проводов и рессоров. Лицо закрывала белая матовая панель, копирующая человеческое, но губы не шевелились, глаза не моргали, ушей не было.

«Воткнуть бы ему в уши лампочки Ильича» подумал Ласло. Месяц назад ему предложили на выбор трех стажёров, двое из которых были андроидами. Самообучающиеся экспериментальные модели. Их создавали для работы с трупами и родственниками жертв. Меньше эмоций, больше дела.

Струпица остановил выбор на вчерашней выпускнице Ангелине. Пусть она не смогла перечислить названия двух сотен человеческих костей и не знала сколько из них парных, но, когда в клетке кабинета девушка заметила крысу, она на нее посмотрела. Просто посмотрела, сказав:

– Грустная свинка. Выпустите ее побегать.

– Это Крыса, – ответила Ласло, игнорируя каждодневный визит Гели в его кабинет с охапкой салата или одуванчиков.

Андроидам не было дела до крысы-свинки по имени Крыса. Они не понимали даже человеческих эмоций, не то, что людских. Эмоциональные навыки андроидов ограничивались законом о Робоправах. В переводе с юридического на человеческий – у роботов эмоций нет.

Ласло отодвинул простынь с трупа номер три. На кушетке лежал подросток мужского пола. В его ногах проектор вращал фотографию белобрысого пацана с широкими резцами, каким он был при жизни. Сейчас его передние зубы и два резца находились в контейнере рядом.

– Плоть рано или поздно начала бы гнить, – рассуждал врач. – Через неделю труп Мирославы Кар уже был не съедобен. На аттракционе высокая влажность. Разложение проходит быстрее. Подростки употребили в пищу в основном ноги. Есть травмы в районе груди, ушных раковин, языка и печени. Думаю, они ели ее две или три недели.

– Чем оторвали ноги? – рассматривал место надрыва Ласло.

– Найден кусок монорельсы с зазубринами. – показал он фото, – но это не точно. И она была еще жива, когда ее... обезножили.

– Живую? – удивился Ласло.



– Она могла впасть в кому, – рассуждал Вилкин. – Остальные решили, что пора. Или едят ее, или умирают с голода. Болевой шок убил Мирославу Кар почти сразу.

– Повезло, – скривился Ласло. – Кто из троглодитов умер следующим?

– Алиса Иванова, – подошел коронер к каталке, в ногах которой вращалось голографическое изображение улыбчивой блондинки с красными прядями волос.

– Что по ней? – адресовал Струпица вопрос стажерке.

– Жертва номер один. Алиса Иванова, двадцать лет. – ответила Геля, – Училась на журналиста. Отличница, староста. Единственная дочь небезызвестного Тимура Иванова.

– Которого попёрли из Робоновы?

– Да. Все жертвы, – продолжила Геля, – объединены одним фактом – их родители работали в Робонове. Они знали друг друга двадцать лет назад. Дружили семьями. Их дети росли вместе.

– А теперь их вместе похоронят.

– Мальчик с надписью на груди «мы живые» – брат Дарьи Громовой. Ефим Громов, четырнадцать лет, ученик девятого класса.

– Четыре трупа. И ведь не просто так их убили, – наслаждался Ласло картинкой, отдавая должное творческому замыслу анатомического театра, – в этой смерти есть посыл. В способе!

– Какой еще посыл? – не понял Вилкин.

– Стреляют в порыве страсти, душат, чтобы ощутить тепло, отравляют притворщики, а здесь... целый спектакль кошмара. Сто фотографий с мучениями четырех подростков. Ради выживания, они не брезговали убить и сожрать человечину. Жаль, не узнаем, о чем они говорили и думали все эти сто дней.

Ангелина поморщилась. Она старалась смотреть на голограммы живых, чем на останки молодых людей, которые больше никогда не повзрослеют.

– Поймем почему каннибализм стал способом казни, раскроем убийство! – сделал выводы Ласло, и Ангелина записала его слова в планшет, подчеркивая красным. – Расскажите-ка, Вилкин, про все странности. Окопали что-нибудь? – просил Ласло будто поедания подростками друг друга было мало.

– Странности, – воодушевился врач, – было и такое! Подростки пробовали спастись. На теле Алисы Ивановой я нашел прижизненные ранения. Отрубленные фаланги пальцев вином лодки или пропеллером каким-то. Резаные раны остались и на черепе. С ее скальпа был выдран кусок волос вместе с кожей. Иванова умерла следующей после Мирославы от заражения крови, а не от тотального истощения как брат и сестра Громы.

– Значит, выбраться через воду они не смогли? – записала Геля, – это же аттракцион, а не квест на выживание.

– Они застряли в технической зоне. – Объяснил Ласло. – Сооружение опущено ниже уровня земли. Кругом вода. Рельсы, по которым скользят лодки и технический сектор для ремонта в отдалении, чтобы не мешать остальным. Их лодка не приплывала на финиш. Я так понимаю, они делали круг. Раз в сутки снималось фото, после чего лодка возвращалась в ремонтный ангар.

Конец ознакомительного фрагмента.

----

Купить: [https://tellnovel.com/chak\\_ella/zhivoe](https://tellnovel.com/chak_ella/zhivoe)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)